
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVIII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 70-летию юбилею российского ученого-монголоведа,
педагога, дипломата Лидии Григорьевны Скородумовой

St. Petersburg
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Лидия Григорьевна Скородумова — творец своей судьбы (<i>И. В. Кульганек</i>)	6
Список научных трудов, публикаций и переводов Л. Г. Скородумовой.	10
Поздравления друзей и коллег	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. И. Андреев. Материалы об экспедиционной деятельности П. К. Козлова в архиве Королевского географического общества в Лондоне.	21
Р. М. Валеев. Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX—начало XX в.)	30
И. В. Ерофеева. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII—середина XIX в.)	35
А. В. Попов. Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях	49
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. С. Дампилова. Шаманские материалы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН	62
А. В. Зорин. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН	67
И. В. Кульганек. К вопросу о монгольских паремиях	75
О. А. Сапожникова. Литературная сказка С. Буяннэмэха.	79
ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ	
Т. И. Юсупова. «Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР	82
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
В. Ю. Жуков. Рец. на: «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко. 30 сентября—1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург» (СПб.; Улан-Батор, 2016)	90
Р. Ю. Почекаев. Рец. на: <i>Дугарова С. Ж.</i> Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2016. 332 с.	91
Л. Г. Скородумова. Рец. на: <i>Гомбожавын Мэнд-Ооёо.</i> Шилийн Богд. Роман. Улаанбаатар, 2015. 254 с.	94
Б. Б. Манджиева. III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.)	95
ПЕРЕВОДЫ	
Б. Баярсайхан. Наследник (перевод с монг. А. Соловьевой)	98
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Глава первая (перевод со старомонг. Л. Скородумовой)	100
Информация об авторах	105

И. В. Ерофеева

Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII—середина XIX в.)

В статье рассматривается история создания и религиозной деятельности буддийских монастырей ойратов на территории среднего и верхнего течения р. Или и ее притоков в течение первой половины XVIII в. и одного монастыря — с 40-х гг. XVIII в. до середины XIX в. Впервые на основе географических карт XVIII—XX вв. и результатов новейших полевых исследований в Семиречье точно установлено былое местоположение этих объектов, их топография, размеры и основные внешние достопримечательности, показано значение буддийских комплексов в организации религиозно-культурной жизни кочевого монгольского населения Джунгарского ханства.

Ключевые слова: Джунгария, ойраты, тибетский буддизм, Гелугпа, монастыри, ламы, мантры.

Эпоха массовых миграций и крупномасштабных территориальных завоеваний западномонгольских племен хронологически совпала с процессом интенсивного распространения северного (тибетского) буддизма в ойратских кочевьях и постепенного превращения его в официальную религию Джунгарского ханства. Важным показателем значительного усиления позиций нового учения в духовной и социокультурной жизни ойратов можно считать существование на территории исчезнувшей Джунгарии оседлых буддийских монастырей.

В 40—50-х гг. XVII в. основной ареал храмового строительства в ойратских землях включал в себя район Верхнего Прииртышья и предгорья Тарбагатайского хребта, где в то время размещались ставки наиболее влиятельных представителей светской кочевой знати [Черников, 1960. С. 115—134; Yerofeeva, 2009. P. 137—151; Ерофеева, 2010. С. 496—497; 2012. С. 335—346; Кукеев, 2014. С. 231—232]. Во второй половине XVII в. в связи с завоеванием ойратами Чу-Илийского региона и перемещением политического центра Джунгарского ханства в Северный Тянь-Шань буддийские монастыри стали создаваться правящей элитой кочевого государства преимущественно в Семиречье, на традиционных путях движения дипломатических миссий и торговых караванов из северной части континента в Среднюю Азию и Китай.

Материальная инфраструктура этих поселений, как правило, была представлена духовным центром — зданием храма, подсобными помещениями, постройками хозяйственно-бытового и жилого назначения для послушников и лам; искусственной системой водоснабжения и фортификационными сооружениями, а также монументальными объектами буддийской иконографии и/или тибето-ойратской

эпиграфики религиозного характера. Основным источником информации о существовании таких стационарных комплексов и одиночных храмов на территории Семиречья, об их общем количестве и местоположении в географическом пространстве является знаменитая карта Джунгарии шведа Йогана (Юхана) Густава Рената (Johan Gustav Renat) (1682—1744), находившегося в период с 1716 по 1733 гг. в джунгарском плену. Она была подготовлена Й.-Г. Ренатом по ойратской («калмыцкой») карте первой четверти XVIII в. в Швеции и весной 1743 г. вместе с оригиналом передана в дар библиотек Упсальского университета. Свою карту ее создатель озаглавил: *Carta af Songarski Kalmuckit, hwar under Kottonerne hurer* («Карта джунгарских калмыков, которым подвластны котоны¹»). В Отделе карт и печатных изданий университетской библиотеки г. Упсала она обозначена как *Renat's egen renrithing av A* («Собственный чертеж Рената из А») [Uppsala universitetsbibliotek].

Картам Й.-Г. Рената посвящена большая историческая литература. Наиболее глубокие исследования, раскрывающие историю происхождения картографического наследия Й.-Г. Рената, информационную нагрузку его собственной карты и личный вклад бывшего джунгарского пленника, а позднее — зайсана в картографирование западной части Центральной Азии, были подготовлены и изданы за последние два века А. И. Макшеевым (1822—1892), Дж. Ф. Бэдделеем (Бэддели? 1854—1940), Н. Н. Поппе (1897—1991), В. И. Волобуевым (?—1998), В. В. Бородаевым и А. В. Контеевым [Макшеев, 1886. С. 105—145; Baddeley, 1919. P. CIXVI—CCXVI; Poppe, 1955. P. 157—159; Волобуев, 1993. С. 11—16; Бородаев, Контев, 2010. С. 386—403].

¹ Котоны — жители Восточного Туркестана.

Благодаря проведенным специальным исследованиям английскому историку Дж. Бэдделю еще в начале прошлого века удалось установить, что оригинальная карта Джунгарии, использованная Й.-Г. Ренатом в качестве топоосновы при создании собственной карты, была составлена не позднее начала второй четверти XVIII в. самим джунгарским хунтайджи Галдан-Цэреном (1727—1745) с помощью иностранных специалистов, находившихся в его окружении [Baddeley, 1919. P. CLXXII]. Весной 1733 г. по просьбе Й.-Г. Рената Галдан-Цэрен подарил ему эту карту в урге, после чего швед в составе джунгарского посольства вместе с дипломатической миссией Л. И. Угримова покинул ойратские кочевья и в марте 1734 г. прибыл в Санкт-Петербург [Моисеев, 1999. С. 25; Бородаев, Контев, 2010. С. 391]. Из России в марте 1735 г. он возвратился в Швецию, куда привез две «калмыцкие карты». Восемь лет спустя, незадолго до смерти, Й.-Г. Ренат передал их в университетскую библиотеку города Упсала [Макшеев, 1886. С. 111; Baddeley, 1919. P. CLXXIX—CLXXX].

На привезенной в Швецию карте Галдан-Цэрена изображены территория Джунгарии и сопредельные с ней регионы Центральной Азии от Верхнего Прииртышья, р. Катунь и р. Нура — на севере и северо-западе до истоков Черного Иртыша, городов Восточного Туркестана, пустыни Такла-Макан, озера Убсу-нор и китайского города Хами — на юге и юго-востоке. Карта представляет собой бумажный лист размером 105,5×83,5 см. Все подписи к изображенным на карте географическим объектам сделаны ойратским «ясным письмом» (*тодобичи*). Территория Джунгарии показана на этой карте в иной проекции, чем в русской и европейской картографии того времени, т. е. с юга на север: верх листа отображает ее южную часть, а низ — северную часть. В картографическом фонде библиотеки Упсальского университета она обозначена как *Renat's original A*.

Известно, что в Петербурге Й.-Г. Ренат предоставил привезенную им из Джунгарии карту Коллегии иностранных дел, где она была скопирована в 1734 г. столичными российскими топографами, а содержащиеся в ней «калмыцкие» надписи были переведены с оригинала на латинскую транскрипцию «при участии» переводчика с калмыцкого языка и секретаря Коллегии иностранных дел В. М. Бакунина (1700—1760) [Комбич, 1919. С. 797 и др.; Бартольд, 1977. С. 397; Бородаев, Контев, 2010. С. 394].

Шведскую копию карты Галдан-Цэрена подготовил в 1737—1738 гг. на родине сам Й.-Г. Ренат [Бородаев, Контев, 2010. С. 396—397]. Формат листа и масштаб этой карты не изменились по сравнению с ойратским оригиналом, но в отличие от последнего территория Джунгарии изображена на ней в правильной проекции по всем четырем сторонам света. Ойратские надписи Ренат воспроизвел здесь латинскими буквами в транслитерации, характерной для шведского языка. В верхнем правом углу карты он поместил название, которое дал скопированному изображению Джунгарского ханства и сопредельных

регионов Центральной Азии. В нижнем левом углу под масштабной линейкой нарисовал несколько условных знаков, использованных для обозначения различных стационарных поселений: городов (*Stader*), буддийских монастырей (*Talter*) — в форме треугольника и главного храма ойратов на территории постоянной зимней ставки джунгарского правящего дома (*Regenters Tdlt.*) — в виде трехчленной фигуры, состоящей из одного большого треугольника в центре и двух меньших по размерам треугольников — по обеим его сторонам.

Ойратские топонимы, переданные по-латыни, Й.-Г. Ренат дополнил в своей копии отдельными пояснительными текстами, названиями народов, населявших изображенные регионы, обозначениями лесной растительности и двух садов плодовых деревьев в бассейне верхнего течения Или, где располагалась зимняя ставка Галдан-Цэрена. Кроме того, на этой карте в отличие от ее ойратской топоосновы четкой пунктирной линией очерчены границы Джунгарского ханства, территории соседних государств раскрашены разными красками и на них указано большее количество населенных пунктов, чем в ойратском оригинале. С учетом вышеуказанных дополнений и уточнений копия Й.-Г. Рената несет максимальную информационную нагрузку по сравнению со всеми предшествовавшими и современными ей географическими картами Джунгарии и поэтому вполне правомерно рассматривается в литературе как самостоятельное картографическое произведение (об этом см. также: [Бородаев, Контев, 2010. С. 396]).

Важной достопримечательностью карты Й.-Г. Рената является наличие в разных местах изображенной на ней территории Джунгарии специальных обозначений, или *талтеров*, которые представляют собой оконтуренные тремя красными черточками небольшие треугольники с такой же красной вертикальной черточкой от основания их до середины фигуры, символизирующей входную дверь. Согласно пояснению В. Б. Бородаева и А. В. Контева, слово *Talter*, или *Talder*, означает в буквальном переводе со шведского на русский язык «палатка», что соответствует также старинному русскому термину «шатер». На этом основании они вслед за А. И. Макшеевым пришли к убеждению, что нанесенные на оригинальную карту Джунгарии одноцветные треугольники символизировали места ойратских кочевий, а вовсе не «молитвенные сооружения» и монастыри, как ошибочно, на их взгляд, считал в свое время географ В. И. Волобуев [Макшеев, 1886. С. 121; Бородаев, Контев, 2010. С. 396, 401]. Однако конкретные результаты проведенных казахстанскими специалистами за последнее десятилетие комплексных исследований культурного наследия ойратов, исторической топонимики, картографии и археологии обозначенных Й.-Г. Ренатом талтерами географических районов Семиречья стали убедительным свидетельством априорного характера вышеприведенных суждений и подтвердили правильность предположения В. И. Волобуева о религиозно-культурной символике

этих графических знаков [Ерофеева, 2009. С. 39—43; Краткий энциклопедический словарь, 2014].

Как известно, масштаб карты Й.-Г. Рената неодинаков для каждой ее части: в центре он составляет в основном 1:7 000 000 м, а по периферии — до 1:10 000 000 м и менее [Волобуев, 1993. С. 14], что не позволяет даже приблизительно вычислить градусные координаты изображенных на ней локальных участков территории Джунгарии. Но этот недостаток во многом компенсируется большой топонимической нагрузкой карты и исключительной для того времени точностью воспроизведения ее создателями реальных очертаний подножий горных хребтов и извилистых меандров речных долин, вблизи которых обычно располагались стационарные буддийские монастыри и сезонные ставки ойратской знати.

Осуществленные нами идентификация ойратских названий различных объектов природы на карте Галдан-Цэрена с казахскими топонимами (с учетом результатов работы А. И. Макшеева и Дж. Бэдделея) и взаимное сличение целого ряда территориальных сегментов этой карты, маркированных Й.-Г. Ренатом треугольными значками, с изображением тех же единиц рельефа на современных мелко- (1:1 000 000 м, 1:500 000 м) и крупномасштабных (1:100 000 м, 1:25 000 м) картах Семиречья позволили достаточно точно определить местоположение большинства талтеров в географическом пространстве. В течение 2008—2011 гг. 10 локализованных таким способом участков территории бывшего Джунгарского ханства площадью от 1,0 до 1,8 кв. км были обследованы сотрудниками Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия народов (далее — КазНИИ ПКНН) непосредственно в ландшафте.

В ходе проведенных рекогносцировочных работ они обнаружили на каждом участке руинированные остатки разных по размерам каменных, кирпичных или саманных строений, идентифицируемых казахскими старожилками этих мест как бывшие «калмацкие камалы» (т. е. крепости). Здесь же были найдены обработанные каменные валуны либо обожженные кирпичи (в отдельных местах — декоративные облицовочные плитки), фрагменты гранитных лестниц, следы крепостных стен, прежних ирригационных сооружений и рукотворного обустройства целебных источников либо постоянно действующих родников. В скальных массивах гор вблизи этих развалин отчетливо просматривались с поверхности земли выбитые на каменных плоскостях графические буддийские символы и/или молитвенные тибетские и ойратские тексты². Все эти материальные свидетельства в сочетании с собранными историческими преданиями и разновременными сообщениями путешественников о наличии в относительно недавнем прошлом в обследованных нами местах крупных фрагментов культовых сооружений ойратов с четко выраженной буддийской символикой дают основа-

ние рассматривать нанесенные Й.-Г. Ренатом на карту треугольные символы как бывшие буддийские комплексы, которые в большинстве своем просуществовали на территории Семиречья до середины XVIII столетия.

Достоверно известно, что ойратские ламы ввиду их относительной малочисленности по сравнению с буддийскими иерархами Восточной Монголии не имели собственных кочевых улусов и селились на территории зимних и летних ставок светской знати, где, как правило, по инициативе последней возводились укрепленные посредством внешних стен и глубоких рвов буддийские монастыри [Златкин, 1983. С. 102—103, 118; Ерофеева, 2012. С. 335—346]. Поскольку же джунгарские князья обычно размещались на небольшом расстоянии от буддийских храмов и проживали внутри огражденного монастырского пространства исключительно в войлочных юртах, то Й.-Г. Ренат обозначил эти участки в виде «палаток», желая тем самым символически отобразить отмеченную особенность пространственной локализации стационарных религиозно-культурных центров ойратов.

На карте Й.-Г. Рената обозначено, по моим подсчетам, 65 буддийских монастырей и отдельных храмов, которые располагались во второй четверти XVIII в. в южной и юго-восточной частях Джунгарии, в предгорной зоне и живописных ущельях высоких горных хребтов Северного Тянь-Шаня. Из них 40 объектов локализируются на территории Казахстана (совр. Алматинская и Жамбылская области), 7 — на территории Кыргызской Республики и 18 — в границах Синцзян-Уйгурского автономного района КНР. Более половины (35) зафиксированных Й.-Г. Ренатом монастырей в то время размещались в бассейне среднего и верхнего течения реки Или и ее притоков, 14 — в предгорьях хребтов Алтынемель и Джунгарского Алатау, 7 — вокруг оз. Иссык-Куль, 6 — в долине реки Емель и Южном Тарбагатае, 3 комплекса — в Чуйской долине. Территория Казахского мелкосопочника, Южного Алтая, Зайсанской впадины и Черного Иртыша была малоизвестна пленному шведу, постоянно проживавшему в Семиречье, поэтому вышеуказанные регионы представлены на карте в мелком масштабе, а религиозно-культурные центры ойратов там вообще не обозначены.

Один из первых буддийских монастырей на территории Семиречья был построен во второй половине XVII в. в западных предгорьях Джунгарского Алатау на горе Лабашоки (бывш. Лаба), около реки Каратал, влиятельным правителем хошутов Очирту-Цэцен-ханом (1638—1680) либо его политическим соперником, а затем и правопреемником в Джунгарии Галданом-Бошохту-ханом и просуществовал не менее 80—90 лет [АРГО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 5. Л. 3—6; Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Абрамов, 1867. С. 278]. На карте Й.-Г. Рената он обозначен талтером на правой стороне Каратала (*Charatal*), у подножия западного склона вышеназванного хребта, между стекающими

² Более подробно о выявленных памятниках см. ниже.

с гор реками Кызылагаш (*Sekde*) и Кайынды (*Chain-Ussun*).

В 1858 г. местность, где еще столетие назад предполагалось обширное по площади святилище ойратов, обследовал военный инженер-поручик П. С. Нечогин, а два года спустя — член-сотрудник Русского географического общества Н. А. Абрамов. Оба путешественника основательно осмотрели руины развалившихся зданий, записали со слов местных казахов исторические предания о бывшем «буддийско-ламайском монастыре» и собрали на территории памятника различные сделанные из глины мелкие предметы с изображениями буддийских божеств. Вблизи старинных развалин на отвесных скалах горы Лабашоки П. С. Нечогин обнаружил также буддийские молитвенные надписи, вырезанные тибетским письмом, и сделал рукописные копии этих текстов [АИМК. Рук. отд. Ф. 1. Оп. 1. 1888. Д. 5. Л. 1—9; АРГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—9; Ф. 69. Оп. 1. Д. 5. Л. 3—6; Абрамов, 1867. С. 275—278].

Согласно составленному Н. А. Абрамовым описанию обследованного участка, здесь в свое время располагались 16 построенных на каменном фундаменте разных по величине глиняных зданий со стенами из необожженного кирпича, оштукатуренными изнутри белой глиной, эти здания находились на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Самое крупное из них, длиной 6,0 сажень и шириной 4,5 сажени, представляло собой, по определению исследователя, буддийский храм, так как внутри него семиреченские казаки в 1855 г. обнаружили несколько глиняных овальных плиток «с отчетливо вытиснутым на каждой бурханом женского пола с венцом; некоторые — с признаком бывшей алой краски и позолоты» [Абрамов, 1867. С. 276].

Как уже упоминалось выше, в течение второй половины XVIII—середины XIX в. стены всех зданий ойратского монастыря разрушились до основания, и в настоящее время руины их фактически не прослеживаются в ландшафте. Среди сохранившихся до наших дней отдельных следов существования этого буддийского комплекса ойратов большой интерес представляет Текелийская стела, известная местным краеведам с конца XIX в. под казахским названием *Келиншектас* ('Камень-молодуха'). Первое сообщение о ней было сделано в 1898 г. известным семиреченским исследователем Н. Н. Пантусовым [Археология Семиречья, 2011. С. 476—477]. В 2008 г. она была обследована экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. И. В. Ерофеева). Современный перевод тибетских текстов выполнен монголоведом канд. филол. наук Н. С. Яхонтовой (ИВР, г. Санкт-Петербург). Памятник находится на правом берегу реки Кора — правого притока р. Каратал при выходе ее из ущелья в западной части Жетысуского (Джунгарского) Алатау, в окрестностях современного г. Текели, в 30 км южнее г. Талдыкорган. Он представляет собой сложное сооружение. На каменной платформе округлой формы (диаметр — 8,0 м, высота — 1,5 м) из крупных речных валунов установлена глыба серого песчаника

(основание — 3,0×4,2; высота — 3,6 м), на верхнюю и боковую (западную) грани которой нанесены изображения и надписи. К северу от платформы имеется сложенная из галечника каменная выкладка. К востоку от памятника расположены пять каменно-земляных насыпей диаметром 8—10 м, высотой — до 1 м [Научный отчет, 2009].

На верхней плоской поверхности камня, обращенной в сторону реки (73×60×51 см), выбиты в центре символ *Калачакры* и несколько молитвенных надписей, написанных тибетским письмом *учен* (тиб. *dbu can*) и письмом *ланца* (тиб. *lantsa*). Символ Калачакры представляет собой сложную магическую монограмму, состоящую из десяти слогов, или «могучих букв» (тиб. *rnam bcu dbang Idan*). Это семь слогов-символов: *ham, ksan, ma, la, va, ra, ya* — и три дополнительных элемента: полумесяц (*visagra*), диск (*anusvāra* или *bindu*) и стилизованный язычок пламени с тремя изгибами (*nāda* или *tilaka*). Изображенный знак схематично иллюстрирует различные аспекты буддийского тантрического учения о том, что все внешние явления и процессы взаимосвязаны с внутренними, т. е. с телом и психикой человека. Меняя самого себя, человек тем самым воздействует и на окружающий мир. Можно сказать, что Калачакра описывает три уровня преобразования индивидуумом своей собственной природы и окружающего бытия: внешний, внутренний и иной, тайный, что соответствует символическому постижению вселенной, взаимоотношениям тела и ума и медиативной практике самосовершенствования и получения блаженства. Справа и слева от калачакры — еще два символа, написанные вертикальным письмом *ланца*. Выше и ниже калачакры находятся две горизонтальные строки тибетского текста. Верхняя строка в переводе Н. С. Яхонтовой содержит просьбу избавить от болезней и эпидемии. Нижняя представляет собой запись тибетскими буквами мантры на санскрите: *om ta mo nīp ha tah rgyun na pa sva ha*.

На нижней плоскости каменной стелы изображена в виде пирамиды ступа с фигурой сидящего внутри нее Будды Шакьямуни³. В ознаменование основных событий его жизни ступы строились либо изображались на поверхности скал, в священных местах, так или иначе связанных с этими событиями. Из известных в тибетской традиции изображений восьми видов ступ вырезанная на Текелийской стеле больше всего напоминает Ступу Просветления. Эту Ступу снизу поддерживает стоящий на задних лапах снежный лев — один из основных символов тибетского буддизма. В новое и новейшее время снежный лев стал национальным символом Тибета, его изображение можно видеть на государственном флаге, моне-

³ Здесь и ниже при описании буддийской символики Текелийской стелы в статье использованы материалы ОФ «Культурное наследие Гималаев» (г. Алматы), подготовленные московским тибетологом В. Ю. Ермолиным по результатам проведенного им в 2012—2013 гг. полевого обследования памятника.

тах, печатях и штампах этой страны. В иконографии буддизма неоднократно встречается изображение восьми львов, поддерживающих трон Будды Шакьямуни по восьми сторонам света. В данном случае значение снежного льва заключается в поддержании Ступы Просветления.

Каменная стела Келиншектас в долине реки Кора близ города Текели. Фрагмент поверхности с изображениями и надписями. Фотография А. Рогожинского. 2008 год

В целом необходимо отметить, что выбитые на стеле изображения и надписи не имеют общего смысла. Каждый из рассмотренных выше элементов несет здесь отдельную функцию, поэтому всю композицию можно рассматривать не иначе, как набор благоприятных символов.

Ко второй половине XVII в. относится также создание тибетскими и ойратскими мастерами по инициативе и при активном участии Галдана-хунтайджи (1671—1678), будущего Галдана-Бошохту-хана (1678—1696), замечательного «храма под открытым небом» на левом берегу реки Или, в урочище Хабцагай (совр. *Капшагай*), расположенном между устьем ее левого притока Курты и небольшой степной речкой Шенгельды, севернее горы Капшагай.

Несколько десятилетий спустя бывшее ойратское святилище получило у перекочевавших в долину

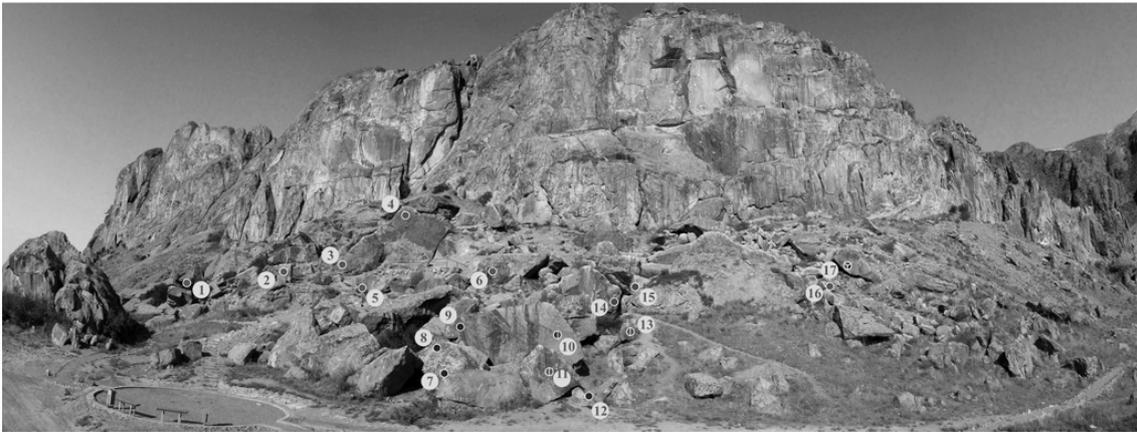
Или казахов выразительное название *Тамга*, или *Тамгалытас* [Ерофеева, 2010. С. 508—509]. Памятник представляет собой небольшой скальный массив на берегу реки, у подножия которого на 15 отдельных глыбах сосредоточены крупные изображения буддийских божеств и разновременные тибетские и ойратские надписи. Начиная с середины XIX в. на протяжении около 175 лет эти фигуры и молитвенные тексты изучались многими исследователями: Ч. Ч. Валихановым (1856), К. А. Ларионовым (1877), Ф. В. Поярковым (1898), Н. Н. Пантусовым и А. М. Позднеевым (1896—1898), А. Х. Маргуланом (1972), Ф. П. Григорьевым (1981, 2010), А. Н. Марьяшевым и С. А. Потаповым, Б. А. Железняковым (2010) и др. [Археология Семиречья, 2011. С. 62—65, 411, 420—426, 440—443, 467—473; Рогожинский, 2010. С. 474—480; Григорьев, Железняков, 2010. С. 440—457]. В 2008—2010 гг. Тамгалытас, как памятник истории и монументального искусства XVII—XVIII вв., стал объектом комплексных междисциплинарных исследований группы казахстанских специалистов (И. В. Ерофеева, А. Е. Рогожинский, Б. Ж. Аубекеров, Р. Сала, Ж.-М. Деом) при участии российских монголоведов (Н. С. Яхонтова, Ю. И. Елихина, г. Санкт-Петербург).

Впечатляющая иконографическая панорама на прибрежных скалах урочища Тамгалытас состоит из пяти изображений главных божеств тибетского пантеона: Будды Шакьямуни, Бодхисаттвы Авалокитешвары, Будды Бхайшаджьягуры с сопровождающими тибетскими надписями на центральном панно, Будды Нагешварараджи и Будды Акшобхьи [Елихина, 2010. С. 459—472; От Алтая до Каспия, 2011. С. 121—123]. Рядом с этими фигурами вырезаны в камне тибетским письмом различные молитвенные тексты, в том числе две мантры Будды Манчжушри, изображение которого на памятнике отсутствует; обращение к бывшему духовному наставнику Галдана-Бошохту-хана IV Панчен-ламе Тибета Лобсану Чойчжи Чжалсану (1570—1662) и четыре шести-сложные мантры *om ta ni pad me hum*, высеченные на разных камнях по периферии завала [Рогожинский, 2010. С. 483—484].

Позднее к этим текстам были добавлены другие тибетские надписи: три шестисложные мантры аналогичного содержания; надпись «Славься лама с хорошим умом... знание и милосердие», обращенная к Будде Шакьямуни; две мантры Манчжушри на южной периферии сакрального участка и мантра, посвященная Будде Акшобхье. Наряду с ними были созданы десять однообразных текстов шестисложной мантры *om ta ni pad me hum*, выполненный ойратским «ясным письмом» [Рогожинский, 2010. С. 484—485]. Позднейшей по времени возникновения молитвенной надписью в Тамгалытасе является самый длинный по вертикали и самый объемный по количеству строк ойратский текст, выбитый курсивным «ясным письмом» бежавшими в 1771 г. в долину Или волжскими калмыками. В современном переводе Н. С. Яхонтовой он содержит благодарственное обращение к изображенным здесь четырем Буддам и

Бодхисаттве Авалокитешваре за «преодоление опасности ... от болезней до бескормицы» и пожелание обрести «в этой стороне прекрасное спокойствие

продолжительно и непрерывно» [Рогожинский, 2010. С. 485—486; Ерофеева, 2010. С. 521—524].

Индексированная панорама плоскостей с буддийскими изображениями и тибетскими надписями в святилище Тамгалытас на реке Или. Разработка А. Рогожинского, фотография Д. Каппасовой. 2008 год

Изображения Будды Шакьямуни (слева), Бодхисаттвы Авалокитешвары (в середине) и Будды Бхайшаджьягуру с тибетскими надписями на центральной скале (плоскость 4) святилища Тамгалытас. Фотография 1896 года.

АИМК. Рук. отд. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 230. Л. 116

Судя по упомянутой в «Биографии Зая-пандиты» его учеником Рабнадхадрой исторической дате пребывания в Илийском Капшагае кочевой ставки (ур-

ги) Галдана-хунтайджи (с декабря 1676 по март 1677 г.) и эпохе становления в тибетской иконографии фигуры Бодхисаттвы Авалокитешвары-Шадакша-

ри в образе божества с четырьмя руками, восседающим на лотосовом престоле в алмазной позе-ваджрасана (1660-е—1670-е гг.), этот своеобразный буддийский храм, или, точнее, — «иконостас» будущего святилища был создан Галданом в начале 1677 г., а затем, в последующие пять лет, несколько усовершенствован путем воспроизведения на скалах Тамгалытаса еще одной серии тибетских мантр [Ерофеева, 2010. С. 506—515; Елихина, 2010. С. 464—470].

Персональная причастность знаменитого джунгарского правителя к созданию святилища подтверждается его фанатичной религиозностью, глубоким знанием буддийской символики, техники тибетской живописи и тибетских иконографических канонов, с чем связано присутствие на центральном панно Тамгалытаса изображения Авалокитешвары-Шадакшари в форме «одноликого и четырехрукого» бодхисаттвы, т. е. божества-покровителя владык Тибета, эманацией которого, начиная с 1660 г., считался Великий Пятый Далай-лама Нгаван Лобсан Гьяцо (1617—1682); а также лаконичного текста посвящения глубоко чтимому в то время в Лхасе тибетскому иерарху Чойчжи Чжалсану — многолетнему наставнику Галдана, под руководством которого он получил религиозное образование в Тибете. В пользу этого убеждения свидетельствует и такой примечательный факт, как официальное пожалование Галдану Далай-ламой Лобсаном Гьяцо 30 июня 1678 г., т. е. год спустя после пребывания джунгарского хунтайджи в Илийском Капшагае, высшего в монгольском мире монархического титула — *Галдан Тензин Бошогтухан* (тиб. — *d' Ga'dan bstan 'dzin bo shog thu khan*) — «Благословенный хан веры, опора учения» [Ерофеева, 2010. С. 510—514].

Известно, что титул *Тензин-хан* Далай-лама даровал с 1638 г. по 1670-е гг. только тем монгольским князьям (в частности, правителям хошутов), от которых он уже получил определенный вклад в усиление позиций школы Гелугпа в Тибете и соседних странах Центральной Азии и мог ожидать в дальнейшем от них еще более активного участия в реализации ее интересов [Ерофеева, 2010. С. 498—499, 510—511]. Подобная избирательность фактически означала, что обладатель данного титула должен был являться активным поборником «желтого учения», то есть действовать в ходе борьбы за власть исключительно «от имени учения» и заботиться «единственно об учении». Отсюда нетрудно понять, что для получения этого титула Галдану-хунтайджи необходимо было отличиться перед высшим тибетским иерархом своей непревзойденной заботой о вере. Одним из конкретных плодов этих стараний и стал, по-видимому, искусно созданный Галданом за полгода до поездки к Далай-ламе в Тибет прекрасный живописный «храм под открытым небом» на левом берегу Или у речной переправы. При этом необходимо отметить, что ни по составу представленных в Тамгалытасе персонажей тибетского пантеона, ни по их размерам, ни по количеству буддийских текстов, разных по со-

держанию и языку, он не имеет себе аналогов в западной части Центральной Азии. Тамгалытас заметно выделяется среди других памятников тибетского буддизма на территории Казахстана и соседних стран региона своей монументальностью, художественной репрезентативностью и разнообразием эпиграфических текстов, что отражает особую значимость святилища на берегу реки Или в эпоху его возникновения и функционирования.

Буддийские комплексы урги

Новый период в истории храмового строительства на территории Джунгарского ханства тесно связан с деятельностью племянника Галдана-Бошогтухана хунтайджи Цэван-Рабдана (1697—1727) и его преемника на монархическом престоле хунтайджи Галдан-Цэрена (1727—1745) — одного из наиболее образованных и энергичных правителей ойратов. Он охватывает всю первую половину XVIII в., со времени перемещения главной кочевой ставки правящего клана ойратских князей с территории Верхнего Прииртышья в высокогорный район Северного Тянь-Шаня вплоть до момента полного уничтожения последней кочевой империи в Евразии Цинским Китаем и массовой гибели ее населения в 1757 г. под сокрушительными ударами миллионной армии маньчжуров. Этот период характеризуется интенсивным распространением «ясного письма» среди западно-монгольской знати, созданием на территории Джунгарии целой сети стационарных буддийских монастырей и повсеместным возрастанием роли северного буддизма в социально-культурной и духовной жизни кочевников-ойратов.

Еще на рубеже XVII и XVIII вв. Цэван-Рабдан с целью установления более эффективного военно-политического контроля над завоеванными землями и транзитными путями из Поволжья в Среднюю Азию и Китай перенес кочевую ханскую ставку — ургу из Южного Тарбагатая и Джунгарского Алатау в бассейн среднего и верхнего течения Или и ее притоков [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 21—22].

Главной зимней ставкой правителей Джунгарского ханства, начиная с эпохи правления Цэван-Рабдана, стала плодородная местность в верховьях реки Или, недалеко от Талкинского перевала (западная часть Синцзян-Уйгурского автономного района КНР), где позднее был основан город Кульджа. Все остальные зимние, осенне-весенние и летние ставки правящего дома ойратов размещались в тот период главным образом в бассейне среднего течения Или и ее притоков, на территории современных Уйгурского и Райымбекского районов Алматинской области Республики Казахстан и частично — на северо-востоке Кыргызской Республики, в окрестностях оз. Иссык-Куль.

Описание постоянного ареала кочевания ханской урги содержится в адресованных правителю Джун-

гании записках российского посланника майора Л. Д. Угримова (1732—1734). В зимний период урга Цэван-Рабдана, а затем его преемника Галдан-Цэрена обычно кочевала, по его словам, с ноября до конца марта от истоков Хоргоса вниз по его течению и левой стороне Или, от так называемого Керецкого переезда (совр. переправа Добын) до впадения в нее левого притока — реки Чарын и до урочища Кожыгер (на территории СУАР). Затем она направлялась на весеннюю кочевку вверх по правой стороне Чарына до впадения в него реки Темирлик, где кочевка продолжалась с апреля до конца мая — периода интенсивного таяния снегов в окружающих горах. С наступлением лета урга перекочевывала в горные ущелья на южные и юго-восточные склоны хребта *Узынкара* (Кетмень), в долины рек *Кеген*, *Каркара*, *Тюп*, *Жергалан*, *Зергес*, *Текес*, *Сумбе* (Албан-Шибир, Албанашба) и *Нарынкол*, а также к северному подножию перевала *Музарт* в горах Халыктау, и там, как правило, находилась с конца мая до конца августа календарного года. Поздней осенью, наступавшей в этом районе в сентябре, урга начинала перекочевку на зимние пастбища вниз по течению *Текеса* и *Или* до впадения в нее реки Хоргос, в верховьях которой к началу ноября круглогодичный цикл кочевания правящего клана ойратов завершался [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1733—1734 гг. Д. 3. Л. 5].

Галдан-Цэрен в годы своего правления прилагал немало усилий для развития на территории урги промыслов — как уже существовавших, так и новых. Для этих целей он успешно использовал знания и опыт русских и шведских мастеров, находившихся в плену у ойратов. Во второй четверти XVIII в. ему удалось при помощи этих пленников, обучавших ойратов, наладить суконное, сталеплавильное и пушечное производство. Правители Джунгарии были также инициаторами разведения здесь фруктовых садов, для чего активно привлекались покоренные «бухарцы». Русский посол Л. Н. Угримов, побывавший в урге Галдан-Цэрена в 1731—1733 гг., описал сады джунгарского монарха: «В которых садах видно было довольно всяких дерев, и величиной оной сад, например, кругом будет версты три, которой огражден стеною из незженного кирпича вышиною выше сажени» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1733—1734 гг. Д. 3. Л. 5]. Другой увиденный им сад был огражден кирпичной стеной в окружности «верст на 5 или больше, где и прочего кирпичного строения имелось довольно, и птичьи покои». Российский посланник, вынужденный почти целый год кочевать вместе с ургой хана, видел здесь много и других садов, «в которых довольно изобретено разных фруктов и овощей» [Златкин, 1983. С. 238].

Наряду с развитием хозяйства джунгарские хунтайджи целенаправленно возводили буддийские храмы, стремясь усилить этноинтегрирующую роль тибетского буддизма среди ойратских племен.

Для организации духовной жизни кочевого населения Джунгарского ханства во второй четверти

XVIII в. была характерна определенная иерархия различных буддийских храмов и обслуживавших их ойратских лам. Самый крупный в Джунгарии храм под названием *Цаган-суме*, основанный ойратской знатью не позднее конца 20-х гг. XVIII в., находился в верховьях Или, недалеко от Талкинского перевала и будущей Кульджи. Он символически был построен из белого камня (вероятно, известняка) и четко выделялся на буро-зеленом фоне окружающего ландшафта, где вблизи величественных культовых построек Галдан-Цэрен развел за короткий срок «прекрасный сад, через который протекала речка» [Известия, 1825. С. 49]. На карте Й.-Г. Рената он обозначен крупной трехчастной фигурой, состоящей из трех талтеров, на правом берегу реки Или между ее притоками Ухарлаг (*Ucharlak*), называемыми сейчас *Шара-Булаг*, и Алматы (*Almaty*) [совр. Синцзян-Уйгурский авт. район КНР]. Выше графического условного знака помещена надпись — *Chongorrooy*, которая представляет собой ойратское название сопки — *Хонггор-обо*, т. е. исторического места, где ойраты традиционно совершали главные церемонии жертвоприношений и проводили религиозные обряды. В настоящее время эта сопка называется по-уйгурски *Такилган-таг*, что означает «Гора, где совершаются жертвоприношения» [Норбо, 1990. С. 193 (примеч.)]. Южнее сопки Хонггор-обо между реками Алматы и Жиргалан (*Jirgalang*) Й.-Г. Ренат нарисовал большой сад плодовых деревьев, посаженный Галдан-Цэреном, и обозначил место его расположения названием *Гулза* (*Gulsa*). Позднее синцзянские ойраты именовали построенный вблизи него буддийский храм Цаган-сумэ как *Алтан дееврте сумэ*, т. е. «Храм с золотой крышей» [Кукеев, 2014. С. 233]. Цаган-суме являлся главным буддийским храмом Джунгарского ханства и в течение около 30 лет выполнял важную идеологическую функцию в этом кочевом государстве.

Второй по величине и формальному статусу храм был возведен джунгарским хунтайджи в 16 верстах южнее основного комплекса, на левой стороне Или у речки Кайнух и назывался *Майдеге*. Возле него он также развел большой сад, в котором росли различные овощи и фруктовые деревья [Кукеев, 2014. С. 49]. Местные ойраты со временем стали называть этот храм *Мунген дееврте сумэ* — «Храм с серебряной крышей» [Кукеев, 2014. С. 233]. На карте Й.-Г. Рената он обозначен талтером на правой стороне реки Хонохой (*Chonochoy*), немного севернее нарисованного сада, расположенного в местности Хайнук (*Chaynick*), которая получила свое название, вероятно, по имени изображенной, но словесно не поименованной здесь одноименной горной речки.

Менее престижные и богатые суме размещались в других районах урги, на территории которой тогда существовало не менее 27 стационарных монастырей и храмов (подсчет мой. — И. Е.). В первое десятилетие правления Галдан-Цэрена их обслуживало 400 лам, периодически сопровождавших джунгарского хунтайджи в его сезонных перекочевках «с

места на место» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1733—1734 гг. Д. 1. Л. 30 об.—31]. Самые малолюдные и скромные монастыри и храмы размещались в остальной части Джунгарии. Общественное влияние проживавших в них лам носило большей частью локальный характер и, как правило, не выходило за пределы кочевывших в монастырской округе родоплеменных подразделений ойратов.

Сложившися ко второй четверти XVIII в. в Джунгарском ханстве иерархическую пирамиду буддийских храмов и представлявших их церковных иерархов возглавлял верховный лама кочевого государства. Он входил в состав ближайшего окружения хунтайджи и постоянно кочевал вместе с его ургой на крупном «иноходце, покрытым красным сукном». По описанию российского посланника Л. Д. Угримова, главный джунгарский лама носил «одежду калмыцкую и шапку красную востроверховую; с правого плеча по левую руку перевязан кушаком желтым, лицо все у него завязано желтым платком, так что не токмо лица, но есть ли у него борода, не видать». Вышеупомянутый очевидец обратил внимание также на то, что иноходца верховного буддийского иерарха в урге обязательно «под усцы водит один лама, едущий верхом, а по сторонам едут два человека лам же верхами, под которыми лошади ничем не покрыты, только они в таком же красном платье и таким же образом желтыми кушаками перевязаны [и] в шапках желтых востроверховатых». Эти ламы «главного их ламу под руки поддерживают, и в таком же одеянии и все протчие ламы без всякой отмены верхами ездят» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1733—1734 гг. Д. 1. Л. 31 и об.].

Наряду с религиозными практиками ламы занимались в урге и другими делами: переводами на ойратское «ясное письмо» различных фрагментов общемонгольской и тибетской канонической литературы («Ганджура» и др.) и трудов по небуддийской тематике, написанием медицинских, астрологических и исторических сочинений, составлением словарей, актовых, законодательных и фольклорных текстов, географических карт. Не случайно сегодня в одном только монгольском фонде Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) хранится около 500 различных материалов и документов XVII—первой половины XIX в., написанных на ойратском языке [Яхонтова, 2014. С. 179]. В подавляющем большинстве это — рукописи, причем немалая часть их, по-видимому, была создана в свое время в ханской урге.

Характерно, что сам второй и последний полновластный хозяин этой верховной ставки хунтайджи Галдан-Цэрэн был, по свидетельству его современника Г. Ф. Миллера, одним из наиболее образованных представителей ойратской знати той эпохи и имел огромную библиотеку ценнейших рукописей, которая составляла 100 верблюжьих вьюков и перевозилась вслед за его кочевьем [Müller, 1738. S. 451; Риттер, 1860. С. 141]. Однако судьба этой библиотеки до сих пор неизвестна, а многие буддийские

монастыри, построенные по инициативе правящей элиты ойратов в первой половине XVIII в. в районе урги, впоследствии были разрушены самими ойратами и завоевателями-маньчжурами. Тем не менее руинированные остатки некоторых ойратских суме, функционировавших в то время на территории Семиречья, сохранились до нашего времени и впервые были обследованы казахстанскими историками и археологами в течение последних 25 лет.

В частности, на карте Й.-Г. Рената треугольным значком-талтером обозначен буддийский монастырь в западных предгорьях хребта Узынкара (Кетмень), восточнее истоков р. Темирлик (*Tömerlick*), слева от истоков или верхнего течения р. Сарыайгыр (*Sarango*). В ходе специально обследованного этого района в 2008 г. комплексной научной экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. канд. ист. наук И. В. Ерофеева, канд. ист. наук А. Е. Рогожинский) было установлено, что руины вышеуказанного ойратского комплекса локализируются на правом берегу речки Шошансай вблизи аула Шошанай у входа в ущелье одноименного хребта (совр. Уйгурский район). В настоящее время они представляют собой земляную платформу прямоугольной формы, ориентированную по сторонам света. В юго-восточной части платформы имеется возвышение размером 8×10 м, высотой 0,5 м. На поверхности платформы собрано большое количество обожженных кирпичей [Научный отчет, 2008].

Другой монастырь урги Галдан-Цэрена И.-Г. Ренат обозначил талтером на карте юго-западнее вышеупомянутого объекта, между притоком Или рекой Чарын (*Zarun*) и рекой Темирлик (*Tömerlick*), что на новейших топокартах Северного Тянь-Шаня соответствует местоположению аула Сумбе (тюркская калька от монг. *суме*, т. е. монастырь), расположенного на левом берегу речки Сумбе, западнее административного центра Уйгурского района аула Шонжы (монг. *Цонжу*). Этот памятник впервые был выявлен и обследован в середине прошлого века экспедицией ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР во главе с А. Х. Маргуланом, впоследствии он был обследован повторно в конце 1980-х гг. — Семиреченской экспедицией Института археологии НАН РК и Института «Казпроектреставрация» под руководством Ф. П. Григорьева и канд. ист. наук А. К. Акишева и затем, в 2008 г., — экспедицией КазНИИ ПКНН, возглавляемой канд. ист. наук И. В. Ерофеевой и канд. ист. наук А. Е. Рогожинским.

Сегодня от бывшего буддийского комплекса сохранилось крупное кольцевидное в плане городище с невысокими оплывшими крепостными стенами высотой 3 м и шириной 6 м. Диаметр городища — около 1 км. Среди современных старожилов обследованного участка этот памятник известен под названием *Калмак сейтыль* («Калмыцкая крепость»), так как слово *сейтыль* в переводе с китайского языка (?) означает «крепость». По местным преданиям, здесь до возвращения казахов в родные края проживали «калмаки» (т. е. ойраты), которые, как утверждают жители аула Сумбе, и построили в прошлом бывшее

укрепление [Научный отчет, 2008]. В 1733 г. вблизи укрепленного монастыря «при урочище Цонджи» (совр. *Шонжы*), по словам Л. Д. Угримова, имелись плодовые сады, «которые даны от владельца Галдан-Церина штыкьюнкеру Ренату...; в которых у него, штыкьюнкера, садах [тогда] Галдан-Черин и в гостях был, понеже оной штыкьюнкер недавно со всем своим улусом ко оным садам... для кочевки на летовье прибыл» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1731—1733 гг. Д. 3. Л. 37]. В настоящее время на территории несохранившегося монастыря и былой летней ставки шведского сержанта И.-Г. Рената находятся жилые дома и огороды.

На левой стороне среднего течения реки Каркары (*Charkera*) — левого притока Кегена (*Gegen*), впадающего в Чарын, юго-западнее гор Шольдыр (*Urgusöl*), у северного подножия хребта Кунгей Алатау на карте И.-Г. Рената показан еще один буддийский монастырь. На современных топокартах Райымбекского района Алмагинской области его местоположение локализуется северо-восточнее нежилого аула Тасбулак вблизи границы Казахстана с Кыргызской Республикой. В результате проведенных в 2008 г. научной экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. канд. ист. наук И. В. Ерофеева, Б. Ж. Аубекеров) специальных исследований в этом районе обнаружена каменная платформа округленной по углам прямоугольной формы диаметром 170—190 м, сложенная из валунов и галечника и окруженная широким рвом. Ширина рва составляет 5—8 м, глубина — около 2 м. По сведениям местных старожилов, на территории платформы раньше, до появления в предгорьях хребта казахов, находилось большое укрепление «калмаков» и вплоть до конца 70-х гг. прошлого века по ее краям, в разных местах еще сохранялись крупные каменные блоки (обтесанные валуны), позднее разобранные окрестными жителями на строительные нужды [Научный отчет, 2008].

Одним из наиболее крупных буддийских комплексов джунгарской урги после Цаган-суме и Майдере был в 30—40-х гг. XVIII в. ойратский монастырь, зафиксированный Й.-Г. Ренатом на карте в южных предгорьях хребта Узынкара, северо-западнее горько-соленого озера Тузколь (*Borogaussun*) и восточнее места впадения в реку Кеген (*Gegen*) ее левого безымянного притока. На современных топокартах это район верхнего течения р. Талас (Кошкар), впадающей в правый приток Кегена Тентек-Карасу, северо-западнее аула Талас (Райымбекский район). В 2010 г. научной экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. И. В. Ерофеева, С. Садыков) в этом районе обнаружены в ущелье Кешпе руинированные остатки большого стационарного поселения, включавшего в прошлом 12 жилых строений, сложную оросительную систему и наскальную буддийскую эпиграфику.

Одно из бывших строений, расположенное недалеко от подножия высокой известняковой скалы, сохранилось в виде большого углубления в почве, имеющего прямоугольную форму размерами 9,4×

8,2 м и окруженного каменно-земляным валом. Оно состояло из трех смежных друг с другом овальных помещений: одного крупного в центре и двух небольших по обеим сторонам. Над восточным помещением, находящимся вблизи скалы, возвышается каменная плоскость с горизонтально выбитой на ней тибетским письмом шестисложной канонической мантрой «Om ta ni pad me hum». В шести метрах от него стоит также отдельный большой валун, на котором имеются три горизонтальные тибетские надписи, а в правом углу валуна — три вертикальные строки ойратского «ясного письма». Различные молитвенные тибетские и ойратские тексты выбиты и на вертикальных поверхностях более удаленных от углубления скал, расположенных вблизи территории исчезнувшего поселения. В 25—30 м восточнее несохранившегося трехчастного строения обнаружены небольшие груды обожженных кирпичей, шлаки и каменные кладки. Ниже земляной платформы, на которой прежде находилось кирпичное здание, сохранились также фрагменты ступеней гранитной лестницы, некогда спускавшейся с верхней надпойменной террасы к долине реки.

Судя по местоположению памятника в окружающем ландшафте, его топографии, основному строительному материалу (кирпичам) и совмещенности следов бывшего поселения в пространстве с объектами наскальной тибето-ойратской эпиграфики канонического содержания, он представлял собой в прошлом буддийский храм, который состоял из зала для проведения ритуальных практик и двух подсобных помещений. Вблизи разрушившегося строения на территории бывшего жилого комплекса обнаружены разбросанные в разных местах 12 китайских монет первой половины—середины XVIII в., что косвенно свидетельствует о наиболее вероятном хронологическом периоде функционирования этого поселения [Научный отчет, 2010].

К числу самых поздних по времени основания ойратских суме относится буддийский монастырь, располагавшийся в середине XVIII—середине XIX в. в южной части урги, на правом берегу левого притока реки Текес полноводной речки Албан, или Албан-Шибир (искаж. *Алван*), у подножия хребта Шаартас (Райымбекский р-н Алмагинской обл.). Этот географический район являлся особенно благоприятным в природно-климатическом отношении для летнего кочевания ойратской знати, поэтому во второй четверти XVIII в. здесь «часто жывал летом калмыцкий хан» [Известия, 1825. С. 54—55]. В указанной местности ойратский монастырь на карте Й.-Г. Рената не обозначен, следовательно, он был построен Галдан-Цэреном после ойрато-цинской войны 1729—1734 гг., то есть не раньше конца 30-х—начала 40-х гг. XVIII в., но просуществовал в Северном Тянь-Шане более 100 лет, после чего был разрушен местными кочевниками-мусульманами в ходе массового антицинского восстания 1864—1865 гг. В конце XVIII—середине XIX в. казахи Старшего жуза, переселившиеся из Центрального Семиречья в этот высоко-

горный район, дали местному святилищу ойратов название *Сумбе*, что является тюркской калькой монгольского термина *суме*, т. е. «монастырь». Вслед за тем и речка Албан, возле которой находился ойратский монастырь, также стала именоваться ими *Сумбе* [Ерофеева, 2014. С. 363—365].

Самое раннее упоминание о существовании действующего монастыря содержится в «Дневнике поездки на Иссык-куль» (1856) Ч. Ч. Валиханова [Валиханов, 1985. С. 323], где впервые указаны его название и местонахождение. В 1859 г. на территории Сумбе побывал российский военный топограф А. Ф. Голубев, который два года спустя дал в опубликованных записках о своей поездке по «Зайлийскому краю» краткое описание ойратского святилища. По словам путешественника, «монастырь невелик — его составляют около 30 отшельников, с некоторым числом прислужников. Сама кумирня находится в глиняной ограде, почти квадратной, в стороне — до 25 сажен и состоит из четырех деревянных незатейливых зданий с крышами, загнутыми снизу в китайском вкусе. По конькам и на концах крыш находятся вырезанные из дерева изображения драконов. Главное, самое большое здание — собственно кумирня — находится в северной части ограды; остальные здания, небольшие, расположены к югу, востоку и западу. По рассказам лам, они служат для помещения пришельцев, объятых желанием возложить на себя обеты отшельничества. Около ограды, заключающей в себе святыню буддиста, разбросаны жалкие глиняные лачужки, жилища лам» [Голубев, 1861. С. 96—98].

Памятник был обнаружен в 1991 г. руководителем Семиреченской археолого-культурологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана АН КазССР и Института «Казпроектреставрация» К. А. Акишевым. В 1992 г. он был обследован специалистами Сумбинского отряда этой экспедиции Ф. П. Григорьевым и А. С. Мирзабаевым (изучена топография, собран подъемный материал, произведены ограниченные раскопки). В 2008 г. остатки монастыря Сумбе обследованы экспедицией КазНИИ ПКНН (рук. И. В. Ерофеева, Б. Ж. Аубекеров, Ю. А. Мотов, С. В. Перевозов), выполнившей комплексное геолого-геоморфологическое, археологическое, историко-топонимическое изучение памятника и района его местонахождения.

Памятник представляет собой небольшую прямоугольную возвышенность или земляную платформу (63,0×43,5 м, высота 0,6—1,0 м), ориентированную углами по сторонам света, на поверхности ее фиксируются остатки группы сооружений: свободной стены в виде оплывшего вала на каменном основании (высота 0,2—0,5 м, ширина 2,0 м) с разрывом в

средней части с юго-восточной стороны (въезд); внутри — центральная возвышенность Т-образной формы (13,3—28,7×34,2 м, высота 0,4 м) и две, меньшие по размерам (10,0×24,0 и 12,0×25,5 м), расположенные симметрично в южном и восточном секторах вала. Поверхность памятника имеет следы перекопов, встречаются обломки строительного и отделочного серого кирпича, черепицы, алебаstra, мелких костей животных. Вход в монастырь находился в середине юго-восточной стены. Собственно храм, идентифицированный с самым крупным бугром на территории поселения длиной 13,3—28,7×34,2 м и высотой 0,4 м, располагался внутри бывлой «глиняной ограды», напротив входа. Обследование местности вокруг развалин показало, что в 36 м южнее их имелся пологий спуск к реке Сумбе. Он был выложен гранитными плитами прямоугольной формы длиной от 62 до 90 см, шириной 25 см и более, так как именно в таком виде здесь сохранились ступеньки прежней каменной лестницы. На поверхности памятника в разных местах в большом количестве валялись обломки серого строительного и отделочного кирпича, фрагменты узких и широких черепиц, облицовочных плиток с растительным орнаментом, архитектурного декора и проч. Проведенные исследователями на отдельных объектах бывшего поселения рекогносцировочные раскопки позволили обнаружить и собрать такие характерные для ойратских храмов архитектурные детали постройки, как керамические плитки с буддийскими образами и мотивами. К ним относятся изображения бутонов и раскрывшихся цветков лотоса, пиона, бабочек, крупных розеток, «струящегося меандра», головы фантастического чудовища «таоте» и некоторые другие [Акишев, Григорьев, 1997. С. 12—14; 2001. С. 131—141; 2004. С. 208—217]. В 0,5 км к западу от основного сооружения обнаружена тибетская надпись, выбитая на поверхности скалы.

При полевом обследовании помеченных на карте Й.-Г. Рената талтерами других участков территории Семиречья, которые в настоящее время культурно обустроены аграрным населением (в частности, окрестности аулов Жаланаши и Жалаулы у подножия хребтов Кулыктау и Кунгей Алатау, берега оз. Иссык-Куль и др.), было установлено со слов сельских старожилков, что еще в относительно недавнем прошлом там действительно находились руины «калмацких» поселений. Но в последней четверти прошлого века они были распаханы по указанию местных властей и освоены под посевы земледельческих культур. Тем не менее многие локализованные буддийские памятники еще не обследованы на местности, и их изучение только начинается.

Литература

Абрамов, 1867: *Абрамов Н. А.* Река Каратал с ее окрестностями // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 1. СПб., 1867. С. 269—278 (*Abramov N. A.* Reka Karatal s ee ok-

restnostyami // *Zapiski IRGO po obschei geografii*. Т. 1. SPb., 1867. S. 269—278).

- Акишев, Григорьев, 1997: *Акишев А. К., Григорьев Ф. П.* Монастырь Сумбе // Изв. корееведения Казахстана. Алматы, 1997. № 2. С. 14—24 (*Akishev A. K., Grigor'ev F. P.* Monastyr Sumbe // *Izvestiya koreevedeniya Kazakhstana*. Almaty, 1997. № 2. S. 14—24).
- Акишев, Григорьев, 2001: *Акишев А. К., Григорьев Ф. П.* Археологические исследования монастыря Сумбе // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001. С. 131—141 (*Akishev A. K., Grigor'ev F. P.* Arkheologicheskie issledovaniya monastyrya Sumbe // *Istoriya i arkheologiya Semirechiya*. Vyp. 2. Almaty, 2001. S. 131—141).
- Акишев, Григорьев, 2004: *Акишев А. К., Григорьев Ф. П.* Сумбе — буддийский монастырь в горах Шаяртас: локализация и материалы исследований // Shyghys-Vostok. Алматы, 2004. № 1 (*Akishev A. K., Grigor'ev F. P.* Sumbe — buddiyskiy monastyr' v gorakh Shaartas: lokalizatsiya i materialy issledovaniy // *Shyghys-Vostok*. Almaty, 2004. № 1).
- Археология Семиречья, 2011: Археология Семиречья. 1857—1912 гг.: сб. документов и материалов / отв. ред. Б. Т. Жанаев, сост. И. М. Самигулин. Алматы, 2011 (*Arkheologiya Semirechiya*. 1857—1912 gg. Sbornik dokumentov i materialov / отв. red. B. T. Zhanayev, sost. I. M. Samigulin. Almaty, 2011).
- Бартольд, 1977: *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М., 1977 (*Bartol'd V. V.* Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii // *Bartol'd V. V.* Sochineniya. T. 9. M., 1977).
- Бородаев, Контев, 2010: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // Туухийн товчоон. ХоИС-ийн НХУС-ийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Т. V. Улаанбаатар: «Соёмбопринтинг» ХХК, 2010. С. 386—403 (*Borodayev V. B., Kontev A. V.* Shvedskiy artillerist I. G. Renat i ego oiratskiye karty // *Tuukhiyn tovchoon. HoIS-ийн NHUS-ийн tenkhimiyn erdem shinzhilgeeniy bichig*. T. V. Ulaan-Baatar: «Soyomboprinting» ННК, 2010. S. 386—403).
- Валиханов, 1985: *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1985 (*Valikhanov Ch. Ch.* Sobraniye sochineniy: v 5 t. T. 2. Alma-Ata, 1985).
- Волобуев, 1993: *Волобуев В.* Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И. Рената // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 6. С. 11—16 (*Volobuyev V.* Nekotoriye itogi rekonstruktsii karty Dzhungarii I. Renata // *Izvestiya NAN RK*. Ser. obshchestv. nauk. 1993. № 6. S. 11—16).
- Голубев, 1861: *Голубев А.* Отрывок из путешествия в Среднюю Азию — Зайлиийский край // Зап. РГО. Кн. 3. СПб., 1861 (*Golubev A.* Otryvok iz puteshestviya v Srednyuyu Aziyu — Zailiyskiy kray // *Zapiski RGO*. Kn. 3. SPb., 1861).
- Григорьев, Железняков, 2010: *Григорьев Ф. П., Железняков Б. А.* Ламаистское святилище Тамгалытас на реке Или // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 440—457 (*Grigor'ev F. P., Zheleznyakov B. A.* Lamaistskoye svyatilische Tamgalytas na reke Ili // *Rol' nomadov v formirovaniyi kul'turnogo naslediya Kazakhstana*. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Almaty, 2010. S. 440—457).
- Елихина, 2010: *Елихина Ю. И.* Иконография буддийских изображений Тамгалытаса // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 459—473 (*Yelikhina Yu. I.* Ikonografiya buddiyskikh izobrazheniy Tamgalytasa // *Rol' nomadov v formirovaniyi kul'turnogo naslediya Kazakhstana*. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Almaty, 2010. S. 459—473).
- Ерофеева, 2009: *Ерофеева И. В.* Памятники тибетского буддизма середины XVII—первой половины XVIII века в Казахстане: новые исследования и находки // Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. материалов науч.-практ. конф. / под ред. Б. Т. Жанаева. Алматы: «Дайк-Пресс», 2009. С. 27—47 (*Yerofeyeva I. V.* Pamyatniki tibetskogo buddizma serediny XVII—pervoy poloviny XVIII veka v Kazakhstane: noviyе issledovaniya i nakhodki // *Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova: Sbornik materialov nauch.-prakt. konf.* / pod red. B. T. Zhanayeva. Almaty: «Daik-Press», 2009. S. 27—47).
- Ерофеева, 2010: *Ерофеева И. В.* История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677—1771 гг.) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 490—529 (*Yerofeyeva I. V.* Istoriya formirovaniya kul'tovogo kompleksa Tamgalytas (1677—1771 gg.) // *Rol' nomadov v formirovaniyi kul'turnogo naslediya Kazakhstana*. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Almaty, 2010. S. 490—529).
- Ерофеева, 2012: *Ерофеева И. В.* Религиозно-культурные центры тибетского буддизма на территории Восточного Казахстана в XVII—середине XVIII века // Буддизм ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. М.: «Алмазный путь», 2012. С. 335—346 (*Yerofeyeva I. V.* Religiozno-kul'toviyе tsentry tibetskogo buddizma na territorii Vostochnogo Kazakhstana v XVII—seredine XVIII veka // *Buddizm vadzhrayany v Rossii: ot kontaktov k vzaimodeistviyu*. M.: «Almaznyi put'», 2012. S. 335—346).
- Ерофеева, 2014: *Ерофеева И. В.* Сумбе // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2014. С. 363—365 (*Yerofeyeva I. V.* Sumbe // *Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar' istoricheskikh toponimov Kazakhstana* / Sost. I. V. Yerofeyeva. Almaty, 2014. S. 363—365).
- Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008: *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е.* и др. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы, 2008 (*Yerofeyeva I. V., Aubekеров B. Zh., Rogozhinskiy A. E.* i dr. Anyrakaiskiy treugol'nik: istoriko-geograficheskiy areal i khronika velikogo srazheniya. Almaty, 2008).
- Златкин, 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635—1758 гг. Изд. 2-е. М., 1983 (*Zlatkin I. Ya.* Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635—1758 gg. Izd. 2-e. M., 1983).
- Известия, 1825: Известия академика Фалька о Киргизской и Зюнгурской степи // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 7. СПб., 1825 (*Izvestiya akademiika Fal'ka o Kirgizskoy i Zyungorskoy stepi* // *Polnoye sobraniye uchenykh puteshestviy po Rossii*. T. 7. SPb., 1825).
- Котвич, 1919: *Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII в. // Изв. Российской академии наук. Сер. VI. Пг., 1919. Т. XIII. Вып. 1 (*Kotvich V. L.* Russkiye arkhivniye dokumenty po snosheniyam s oiratami v XVII i XVIII v. // *Izv. Rossiyskoy akademii nauk*. Ser. VI. Pg., 1919. T. XIII. Vyp. 1).

- Краткий энциклопедический словарь, 2014: Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2014 (*Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar' istoricheskikh toponimov Kazakhstana / Sost. I. V. Yerofeyeva. Almaty, 2014*).
- Кукеев, 2014: *Кукеев Д. Г.* К вопросу об оседлых ойратских сооружениях // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Кызыл, 2014. С. 230—235 (*Kukeev D. G. K voprosu ob osedlykh oiratskikh sooruzheniyakh // Drevniye kul'tury Mongolii i Baikal'skoy Sibiri: Materialy V mezhdun. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. 1. Ktzy, 2014. S. 230—235*).
- Макшеев, 1886: *Макшеев А. И.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 11 / под общ. ред. И. В. Мушкетова. СПб., 1886. С. 105—145 (*Maksheyev A. I. Karta Dzhungarii, sostavlenaya shvedom Renatom vo vremya ego plena u kalmukov s 1716 po 1733 god // Zapiski IRGO po obschey geografii. T. 11 / pod obschey red. I. V. Mushketova. SPb., 1886. S. 105—145*).
- Моисеев, 1999: *Моисеев В. А.* Новые материалы о Ренате // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Материалы второй регион. конф. 22 окт. 1999 г. Барнаул, 1999 (*Moiseyev V. A. Novkiye materialy o Renate // Rossiya, Sibir' i Tsentral'naya Aziya (vzaimodeistviye narodov i kul'tur). Materialy vtoroy region. konf. 22 okt. 1999 g. Barnaul, 1999*).
- Норбо, 1990: *Норбо Ш.* Зая-пандита (материалы к библиографии) / науч. ред. В. П. Санчилов. Элиста, 1990 (*Norbo Sh. Zaya-pandita (materialy k bibliografii) / nauch. red. V. P. Sanchirov. Elista, 1990*).
- От Алтая до Каспия, 2011: От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана: в 3 т. Т. 2. Алматы, 2011 (*Ot Altaya do Kaspiya. Atlas pamyatnikov i dostoprimechatel'nostey prirody, istorii i kul'tury Kazakhstana: v 3 t. T. 2. Almaty, 2011*).
- Риттер, 1860: *Pumpe K.* Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных отношениях с Россиею, то есть Китайской империи, независимой Татарию, Персии и Сибири. Т. 3. Алтайско-Саянская горная система в пределах Русской империи и по китайской границе. СПб., 1860 (*Ritter K. Zemlevedeniye Azii. Geografiya stran, nakhodyaschikhsya v neposredstvennykh otnosheniyakh s Rissiyeyu, to est' Kitaiskoy imperii, nezavisimoy Tatarii, Persii i Sibiri. T. 3. Altaisko-Sayan'skaya gornaya sistema v predelakh Russkoy imperii i po kitaiskoy granitse. SPb., 1860*).
- Рогожинский, 2010: *Рогожинский А. Е.* История изучения и новые исследования культового комплекса Тамгалыгас на реке Или // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 474—507 (*Rogozhinskiy A. E. Istoriya izucheniya i noviye issledovaniya kul'tovogo kompleksa Tamgalytas na reke Ili // Rol' nomadov v formirovaniyi kul'turnogo naslediya Kazakhstana. Nauchniye chteniya pamyati N. E. Masanova. Almaty, 2010. S. 474—507*).
- Черников, 1960. *Черников С. С.* Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории Калмыцкой АССР. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 115—134 (*Chernikov S. S. Pamyatniki arkhitektury oirat-kalmykov // Zapiski Kalmytskogo NII yazyka, literatury i istorii Kalmytskoy ASSR. Vyp. 1. Elista, 1960. S. 115—134*).
- Яхонтова, 2014: *Яхонтова Н. С.* Рукописное наследие ойратов в собрании Института восточных рукописей РАН // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: сб. материалов Междунар. конф., г. Астана, 18—19 ноября 2014 г. Алматы, 2014. С. 179 (*Yakhontova N. S. Rukopisnoye nasledie oiratov v sobranii Instituta vostochnykh rukopisei RAN // Problemy izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Kazakhstana i Tsentral'noi Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii, g. Astana, 18—19 noyabrya 2014 g. Almaty, 2014. S. 179*).
- Baddeley, 1919: *Baddeley John F.* Russia, Mongolia, China. Vol. 1. London, 1919. P. CLXVI—CCXVI.
- Müller, 1738: *Müller G. F.* De scriptis tanguticis in Siberia repertis commentatio // Commentarii Academia scientiarum imperialis petropolitanae. T. 1. SPb., 1738. S. 430—451.
- Poppe, 1955: *Poppe N.* Renats Kalmuck maps // *Imago mundi*. Vol. 12. Stockholm, 1955. P. 157—159.
- Yerofeeva, 2009: *Yerofeeva I.* Lamaist Buddhism in Kazakhstan (Seventeenth to Mid Nineteenth Century) // *Kazakhstan. Religions and Society in the History of Central Eurasia* / ed. by Gian Luca Bonora, Nicolo Pianciola and Paolo Sartori. Turin; London; Venice; New York: Umberto Allemandi & C, 2009. P. 137—151.

Архивные материалы

- АВПРИ: Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД Российской Федерации (г. Москва) (*Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoy imperii Istoriko-dokumental'nogo departamenta MID Rossiiskoy Federatsii (g. Moskva)*).
- АИМК: Архив Института материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) (*Arkhiv Instituta material'noi kul'tury RAN (g. Sankt-Peterburg)*).
- АРГО: Архив Русского географического общества (г. Санкт-Петербург) (*Arkhiv Russkogo geograficheskogo obschestva (g. Sankt-Peterburg)*).
- Научный отчет, 2008: Научный отчет об экспедиции в Алматинскую область за 2008 г. // Архив КазНИИ ПКНН (*Nauchnyi otchet ob ekspeditsii v Almatinskuyu oblast za 2008 g. // Arkhiv KazNII PKNN*).
- Научный отчет, 2009: Научный отчет об экспедиции в Алматинскую область за 2009 г. // Архив КазНИИ ПКНН (*Nauchnyi otchet ob ekspeditsii v Almatinskuyu oblast za 2009 g. // Arkhiv KazNII PKNN*).
- Научный отчет, 2010: Научный отчет об экспедиции в Алматинскую область за 2010 г. // Архив КазНИИ ПКНН (*Nauchnyi otchet ob ekspeditsii v Almatinskuyu oblast za 2010 g. // Arkhiv KazNII PKNN*).
- Uppsala universitetsbibliotek / Uppsala University Library Sweden. Kart & bildavdelningen / Map & Print Department. Kart-och bildenheten under signum; Kartor, utl. St. form. Renats kartor.

I. V. Yerofeyeva
Buddhist Monasteries of the Oirats in Semirechiye (mid-XVII—mid-XIX cc.)

The paper considers the history of formation and religious activities of the Oirats' Buddhist monasteries in the area of Middle and Upper Ili River and its tributaries during the first half of the XVIII century, as well as of one particular monastery — from the 1740-ies till the middle of the XIX century. Basing on the geographical maps of the XVIII—XX centuries and on the results of the latest field research in Semirechiye, the author for the first time precisely ascertained the past location of those sites, their topography, dimensions and main formal features, and revealed the important role of the Buddhist monastic complexes in the management of religious and cultural life of the nomadic Mongol-speaking population in the Dzungar Khanate.

Key words: Dzungaria, Oirats, Tibetan Buddhism, Gelukpa, monasteries, lamas, mantras.